

**Институт доказывания в уголовном судопроизводстве Российской империи конца XIX – начала XX вв. и его практическая реализация на примере дела Бейлиса (1913 г.)****Institute of evidence in criminal proceedings of the Russian Empire of the late XIX- early XX centuries and its practical implementation on the example of the Beilis case (1913)***Казакова Анастасия Витальевна**Студент 4 курса**Факультет Права**Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики", г. Москва  
Российская Федерация, г. Москва, Большой Трёхсвятительский переулок, д.3**e-mail: k.a.v1999@mail.ru**Kazakova Anastasiya Vitalyevna**Student 4 term**Faculty of law**National Research University Higher School of Economics, Moscow  
3 Bolshoy Trekhsvyatitsky Lane, Moscow, Russian Federation**e-mail: k.a.v1999@mail.ru***Аннотация.**

В основу данной научной статьи легла проблема допустимости доказательств в уголовном процессе Российской империи: правовая регламентация и практическое применение. В качестве основных источников для анализа были использованы том XV Свода законов Российской империи 1857 года, Устав уголовного судопроизводства 1864 года, стенографический отчет дела Бейлиса (1913 год), а также материалы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. На основании проведенного исследования автор статьи приходит к следующим выводам: введение в действие Судебных Уставов 1864 года ознаменовало собой смену парадигмы допустимости доказательств – произошел переход от формальной теории к подходу, провозгласившему доказывание ключевым фактором установления объективной (материальной) истины; основные виды доказательств, используемых при раскрытии уголовного дела, остались практически неизменными, среди основных можно выделить: свидетельские показания, результаты освидетельствований, всевозможные улики, результаты обысков и досмотров и иные вещественные и письменные доказательства. Обновление процессуального законодательства в 1864 году не исключило возможность существования неправосудных тенденций в отечественной судебной системе – громкий судебный процесс против М. Бейлиса (1913 г.) пролил свет на многочисленные нарушения Устава уголовного судопроизводства, в том числе фальсификацию результатов экспертиз и показаний свидетелей.

**Annotation.**

This scientific article is based on the problem of admissibility of evidence in the criminal proceedings of the Russian Empire: legal regulation and practical application. The main sources for the analysis were volume XV of the Code of laws of the Russian Empire of 1857, the Statute of criminal proceedings of 1864, the shorthand report of the Beilis case (1913), as well as materials of the Extraordinary Commission of inquiry of the Provisional government. Based on the research, the author of the article comes to the following conclusions: the introduction of the Judicial Statutes of 1864 marked a change in the paradigm of admissibility of evidence – there was a transition from formal theory to an approach that proclaimed proof as a key factor in establishing objective (material) truth; the main types of evidence used in the disclosure of a criminal case have remained virtually unchanged, among the main ones are: witness statements, the results of examinations, all kinds of evidence, the results of searches and inspections, and other material and written evidence. Updating of the procedural legislation in 1864 did not exclude the possibility of illegal tendencies in the domestic judicial system – a high-profile trial against M. Beilis (1913) shed light on numerous violations of the Statute of criminal proceedings, including falsification of the results of examinations and witness statements.

**Ключевые слова:** уголовное судопроизводство, институт доказывания, Российская Империя, доказательства, дело Бейлиса.

**Key words:** criminal justice, the Institute of proof, the Russian Empire, the evidence, the Beilis case.

Институт доказывания, являясь одним из важнейших элементов уголовно-процессуального права и всего процессуального права в целом, представляет собой динамично развивающуюся систему правовых норм, определяющих порядок сбора, оценки и использования доказательств. Именно посредством установления значимых обстоятельств дела, необходимых для квалификации деяния и определения состава правонарушения,

суд разрешает тот или иной правовой конфликт. На протяжении всей истории судебного процесса данный правовой институт претерпевал значительные изменения. Переосмысление основных целей и задач доказывания, появление новых видов доказательств, изменение порядка их рассмотрения – все это находило свое отражение в процессуальном законодательстве, которое неуклонно менялось с течением времени.

В основу данной научной статьи легла проблема допустимости доказательств в уголовном процессе Российской империи: правовая регламентация и практическое применение. В качестве основных источников для анализа были использованы том XV Свода законов Российской империи 1857 года, Устав уголовного судопроизводства 1864 года, стенографический отчет дела Бейлиса (1913 год), а также материалы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, посвященные вышеуказанному судебному процессу.

Цель научной работы – проследить эволюцию теории допустимости доказательств в уголовном судопроизводстве, произошедшую с введением в действие Судебных Уставов 1864 года, выделить основные виды доказательств, используемых в процессе разрешения дел, а также провести анализ реального судебного разбирательства начала XX века на предмет практической реализации данных юридических конструкций.

Уголовно-процессуальная наука сформировала представление о допустимости доказательств как о соответствии установленных в ходе дела обстоятельств предъявляемым законом требованиям, то есть «пригодности доказательств с точки зрения их формы, в которую включаются законность источников, методов и приемов, с помощью которых данные сведения были получены» [1, С. 68]. Допустимость как неотъемлемое свойство доказательств напрямую связана с таким важнейшим понятием как «цель правосудия». Ведь именно от того, что предполагается под конечным результатом судебного процесса (соблюдение формального порядка или поиск объективной истины), зависит правовая регламентация порядка использования доказательств и его непосредственная реализация.

До принятия Устава уголовного судопроизводства (1864 г.) правовое регулирование уголовного процесса осуществлялось нормами, включенными во вторую книгу тома XV Свода законов Российской империи (издание 1857 года), которая имела название «Законы о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках». Если обратиться к главе третьей данной книги, в частности к статье 304, мы узнаем о существовании двух «родов» доказательств: совершенных и несовершенных. Наличие одного совершенного доказательства уже дает право признать обвиняемого виновным (ст. 306). При этом несовершенные доказательства также не исключают невиновности подсудимого и, что представляет особое внимание, установление нескольких подобных обстоятельств может «трансформироваться» в совершенное доказательство (ст. 308). Стоит отметить, что учреждение адвокатуры произошло только в 1864 году, поэтому сбор и соответственно использование доказательств являлись прерогативой обвинения, во многом именно поэтому, опасаясь произвола и злоупотребления полномочиями, законодатель устанавливает степень юридической силы каждого доказательства.

На основании дальнейших положений третьей главы «Законов о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках», можно выделить такие виды доказательств, как: признание подсудимого (ст. 316), письменные документы (ст. 324), личный осмотр (ст. 327), свидетельства сведущих людей (ст. 328), свидетельства посторонних людей (ст. 329), оговор подсудимым посторонних лиц (ст. 336), повальный обыск (ст. 339), улики или признаки преступления (ст. 341), а также очистительная присяга (ст. 344).

Следует отметить, что данный ряд доказательств приведен в правовом акте в порядке убывания юридической силы. Таким образом, признание обвиняемого считается наиболее весомым из всех возможных совершенных и несовершенных доказательств. И хотя в норме закона перечислены необходимые условия для оглашения «чистосердечного» признания, все же представляется возможным злоупотребление данным

положением. Так, выдающийся юрист-правовед А. Ф. Кони свидетельствовал о случаях применения истязаний и приемов замаскированной пытки для получения «заветного» признания [2, С. 2]. Следовательно, соблюдение формальных признаков может привести к признанию виновным совершенно непричастного к делу лица и, наоборот – при отсутствии совершенных доказательств преступник останется без наказания.

Данный подход к допустимости улик и сведений по делу является составляющей формальной теории доказательств. Такого же мнения придерживался авторитетный исследователь, известный ученый-юрист И. Я. Фойницкий, утверждавший о «господстве» формальной системы доказательств в российском праве в первой половине XIX века [3, С. 17]. Таким образом, цель правосудия в данный период времени определялась поиском не объективной, а формальной истины, не учитывавшей всего многообразия форм действительности и, поэтому нередко превращавшейся в псевдоистину, ложь. Произвол следственных органов, несправедливость выносимых приговоров вследствие механического отбора и исследования доказательств – все эти процессуальные «недочеты» во многом определили необходимость в принятии нового нормативного правового акта, которым и стал Устав уголовного судопроизводства 1864 года.

Уставом 1864 года отменялась формальная система доказательств. Впервые в отечественной истории права доказательства стали оцениваться по внутреннему убеждению судей [4, С. 18]. Данное положение стало ключевым как при постановлении приговоров без участия присяжных заседателей (ст. 766), так и с их участием (ст. 804). Стоит отметить, что суд присяжных также является «нововведением» судебной реформы 1864 года, став одной из важнейших форм рассмотрения уголовных дел.

В отличие от предыдущего правового акта («Законы о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках») перечень доказательств в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года не является четко регламентированным. Однако, обратившись к пункту 3 статьи 142 можно сделать определенные выводы: во-первых, доказательства по делу теперь предъявляют две стороны (до этого, как было указано выше, этим занималась сторона обвинения); во-вторых, показания свидетелей, осмотры, освидетельствования, обыски, различные оценки по-прежнему входят в систему доказательств. При этом юридическая сила последних перестала являться объектом правового регулирования. С этих пор судья решал вопрос о виновности или невиновности подсудимого на основании совокупности обстоятельств (ст. 119). Таким образом, судебный процесс приобрел состязательный характер, при котором защита и обвинение вступали в своего рода противостояние, при котором каждой из сторон необходимо было аргументировать свою точку зрения, подкрепляя ее необходимыми доказательствами.

Безусловно, в соответствии с основными требованиями допустимости доказательств, сведения, используемые в деле, должны быть получены законным способом. В силу этого в Уставе уголовного судопроизводства происходит четкая регламентация порядка сбора и последующего использования вещественных (ст. 371) и письменных доказательств (ст. 368), проведения освидетельствования (ст. 315), дачи показаний (ст. 433) и т. д. Также действует институт присяги свидетелей (ст. 711). И хотя текст клятвы изложен полностью только для свидетелей православного исповедования (ст. 713), проанализировав его, можно сформулировать ряд соответствующих умозаключений: свидетель, дающий показания, должен говорить правду и только правду, при этом не руководствуясь ни соображениями дружбы, ни родства, ни иными корыстными интересами; за ложь и утаивание важных деталей дела свидетель несет ответственность перед законом.

Основываясь на вышеизложенных положениях, можно утверждать о том, что Устав уголовного судопроизводства 1864 года оказал влияние на пересмотр основной цели правосудия – поиск объективной истины заменил несостоятельную формальную теорию доказывания. Так, известный ученый-правовед Г. С. Фельдштейн писал: «Цель уголовного судопроизводства 1864 года есть обнаружение так называемой

материальной истины относительно происшествия или деяния, признаваемого преступным, и наказание действительно виновного в совершении преступления или проступка [5, С. 78]».

Казалось бы, законодательная база пересмотрена: кардинальные изменения коснулись как основных принципов организации судебной системы, так и непосредственно процесса судопроизводства, включающего порядок рассмотрения дел и вынесения соответствующих решений. Но возможно ли в таком случае утверждать, что данные реформы исключили всякий произвол, существующий ранее при отправлении правосудия? Ответ на данный вопрос мы не найдем в «сухих» нормах процессуального законодательства, ведь они ничего не значат без практической реализации в ходе правоприменительной деятельности. В этой связи представляется необходимым обратиться к «самому громкому судебному процессу в дореволюционной России» [6, С. 151] – делу Бейлиса (1913 г.), «прославившемуся» многочисленными нарушениями норм процессуального законодательства, в особенности связанных с процессом доказывания.

«Следствие велось топорно и грубо - полицейский произвол, фальсификации были обычным явлением», - такую современную оценку данному судебному процессу дал российский историк Ф. В. Разумовский. А корреспондент «Нью-Йорк Таймс» - современник происходивших событий и вовсе писал: «Это дело напоминает о случае с крестьянином, увидевшим верблюда и воскликнувшем: «Такого зверя на свете нет» [7, С. 231]. Так давайте попробуем, руководствуясь нормами Устава уголовного судопроизводства 1864 года (а именно в соответствии с данным нормативным правовым актом велся процесс по делу Бейлиса), найти те нарушения, что непосредственно повлияли на процесс доказывания. Для этого необходимо проанализировать соответствующие официальные документы: стенографический отчет судебного процесса над Бейлисом (издание 1913 года), а также материалы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства по данному делу.

Согласно протоколам заседания, процесс осуществлялся в Киевском окружном суде с участием присяжных заседателей. Из обвинительного акта, прочтенного членом суда - докладчиком Юркевичем во второй день судебного заседания 26 сентября 1913 года узнаем: «20 марта 1911 года на окраине города Киева вдали от построек, в одной из находящихся там неглубоких пещер был обнаружен труп мальчика» [8, С. 17]. Жертвой оказался тринадцатилетний Андрей Ющинский - ученик приготовительного класса Киево-софийского духовного училища. На теле ребенка было обнаружено множество телесных повреждений, включая 47 колотых ран, нанесенных преимущественно в области виска, шеи и грудной клетки. Еврею Менахему Менделю Бейлису было предъявлено обвинение в ритуальном убийстве.

Так как в России до этого уже были известны случаи так называемого «кровавого навета» [7, С. 4] (обвинение евреев в убийстве людей иных вероисповеданий с целью использования их крови в ритуальных целях), то и данное дело не стало исключением из практики. Крайне антисемитская политика российской власти еще не раз «напомнит» о себе в ходе расследования по делу. Если говорить о доказательной базе, послужившей основанием для задержания М. Бейлиса, то в действительности ее как таковой на тот момент еще не существовало. Об этом прямо указывается в стенографическом отчете: только через 22 дня после заключения Бейлиса под стражу следствию были предоставлены вещественные доказательства согласно последней версии убийства [8, С. 21].

Материалы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства проливают свет на причины подобных «махинаций». В соответствии с протоколом допроса исправляющего должность судебного следователя по особо важным делам Киевского окружного суда В. И. Фененко на следствие оказывалось определенное давление: активная пропаганда виновности «жидов» со стороны черносотенных организаций, а также непосредственное влияние государственных структур – в Киев был командирован вице-директор первого департамента Министерства юстиции А. В. Лядов, уполномоченный «придать» совершённого деяния явный

ритуальный характер [9, С. 55]. Таким образом, следствие должно было искать еврея, а не настоящего убийцу.

В соответствии со статьей 312 Устава уголовного судопроизводства 1864 года «прокурор и его товарищи не должны требовать начатия следствия без достаточных к тому оснований». Тем не менее, широкий общественный резонанс, заинтересованность конкретных политических сил привели к грубым нарушениям процессуального законодательства, а доказательная база, должная служить поиску объективной истины, превратилась в инструмент заинтересованных лиц, занимающихся «псевдоправосудием» в угоду господствующему строю.

Во второй день судебного заседания были оглашены результаты двух медицинских экспертиз [8, С. 18-19], послуживших наиболее весомым доказательством обвинения, так как результаты освидетельствования подтверждали «прижизненность» колотых ран с целью получения большего количества крови жертвы. Однако, первоначальный доклад составителей первой экспертизы противоречил окончательному заключению, представленному в стенографическом отчете [7, С. 82-83]. В таком случае, в соответствии со ст. 345 Устава уголовного судопроизводства, следователь должен передать копию медицинского свидетельства во врачебную управу, уполномоченную разрешить сомнение, затребовать дополнительные объяснения от врачей или назначить переосвидетельствование. Однако, данная согласительная процедура была проигнорирована.

Второй эксперт Д. П. Косоротов - член Медицинского совета Министерства внутренних дел и вовсе потребовал четыре тысячи рублей за составление им *необходимой* экспертизы. Об этом было установлено 1 мая 1917 года в ходе допроса Д. П. Косоротова в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства [9, С. 65]. При этом обе медицинские экспертизы подверглись жесткой критике со стороны врачебных ассоциаций (в том числе и зарубежных). Таким образом, основополагающие «доказательства» по делу были сфабрикованы.

Также, стоит отметить, что свидетельские показания, издревле считавшиеся важнейшими сведениями, способствовавшими установлению необходимых обстоятельств по делу, также не избежали многочисленной критики. Так, из воспоминаний А. Ф. Кошко – известного криминалиста, возглавлявшего уголовный сыск Российской империи, узнаем: обвинительные показания фонарщика Шаховского и его жены «были даны в нетрезвом состоянии и также характеризовались запутанностью и крайней противоречивостью» [10, С. 26]. В книге доктора исторических наук В. Бонч-Бруевича, присутствовавшего на заседании в качестве журналиста-наблюдателя, находим интересную деталь. Оказывается, сыщик-ритуалист Полищук уговорил фонарщика дать показания против М. Бейлиса [11, С. 60], чем и объясняются подобные противоречия в предоставленных Шаховским сведениях.

Помимо этого, согласно стенографическому отчету первого дня заседания (25 сентября 1913 года) многие свидетели, в состав которых также входили лица, непосредственно связанные с процессом следствия, попросту не явились в суд [8, С. 4]. Это объяснялось воздействием на свидетелей со стороны заинтересованных лиц. Так, например, на заседание не пришел начальник киевского сыскного отделения Е. Ф. Мищук. Отрицание ритуальной версии убийства послужило причиной его отстранения на первоначальных этапах следствия [7, С. 28]. Тем самым, существенные аспекты дела не получили должного внимания в ходе судебного слушания.

Таким образом, процесс над М. Бейлисом характеризуется явно выраженным обвинительным уклоном. При этом доказательства, предоставленные государственным обвинением, не соответствовали принципам допустимости. Фальсификации экспертиз и иных сведений по делу, давление на свидетелей и органы следствия – все эти «явления» свидетельствовали о грубых нарушениях действующего на тот момент процессуального законодательства.

Однако, несмотря на тотальный произвол и беззаконие, суд присяжных, являвший «картину глухого

захолустья, обслуживаемого полуграмотными крестьянами и мещанами» [7, С. 229], вынес оправдательный вердикт по делу. Справедливость восторжествовала: невиновный был освобожден, многочисленные наблюдатели процесса ликовали. «По всей видимости, русские люди наконец-то поняли, что еврейский вопрос не только еврейский вопрос, но что ложь и разложение, обнаруженные на процессе Бейлиса, это всеобщий русский вопрос...», - писал известный писатель В. Г. Короленко [7, С. 244].

На основании всего вышеизложенного можно прийти к соответствующим выводам: введение в действие Судебных Уставов 1864 года ознаменовало собой смену парадигмы допустимости доказательств – произошел переход от формальной теории к подходу, провозгласившему доказывание ключевым фактором установления объективной (материальной) истины; основные виды доказательств, используемых при раскрытии уголовного дела, остались практически неизменными, среди основных можно выделить: свидетельские показания, результаты освидетельствований, всевозможные улики, результаты обысков и досмотров и иные вещественные и письменные доказательства. Обновление процессуального законодательства в 1864 году, однако, не исключило возможность существования неправосудных тенденций в отечественной судебной системе – громкий судебный процесс против М. Бейлиса (1913 г.) пролил свет на многочисленные нарушения Устава уголовного судопроизводства, в том числе фальсификацию результатов экспертиз и показаний свидетелей.

Подобные «фабрикации» являются недопустимыми, так как нарушают основные требования, предъявляемые к процессу доказывания, выражающиеся в таком основополагающем свойстве доказательств как допустимость. Тем самым, основная сущность правосудия, должного служить установлению объективной истины, попросту сводится на нет.

#### **Список используемой литературы:**

1. Озеров И. Н., Черкасова Е. А., Капустина И. Ю. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве: сущность и значение // ППД. - 2013. - №2. - С. 67-70.
2. Устав Уголовного судопроизводства. Систематический комментарий. М.: Издание М. М. Зива. - 1914. - 306 с.
3. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. СПб.: Альфа. - 1996. - 606 с.
4. Брянская Е. В. О развитии доказательств в уголовном процессе дореволюционной России // Сибирский юридический вестник. - 2014. - №4 (67). - С. 15-20.
5. Фельдштейн Г. С. Лекции по уголовному судопроизводству. М.: Знаменский и Ко. - 1915. - 187 с.
6. Лурье Л. Я. 22 смерти, 63 версии. СПб.: БХВ-Петербург. - 2011. - 288 с.
7. Морис Самюэл. Кровавый навет – странная история дела Бейлиса. Нью-Йорк. - 1975. - 291 с.
8. «Дело Бейлиса». Стенографический отчет в 3 томах. Киев.: Изд. «Печатня С. П. Яковлева». - 1913. - 1450с.
9. Дело Менделя Бейлиса. Материалы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства о судебном процессе 1913 г. по обвинению в ритуальном убийстве. СПб.: Изд. «Дмитрий Буланин». - 1999. - 393 с.
10. Кошко Д. Б. Последнее слово по делу Бейлиса (из материалов семейного архива). СПб.: Изд. Центр «Златоуст». - 2016. - 60 с.
11. Бонч-Бруевич В. Знамение времени. Убийство Андрея Ющинского и дело Бейлиса. М.: Государственное издательство. - 1921. - 195 с.